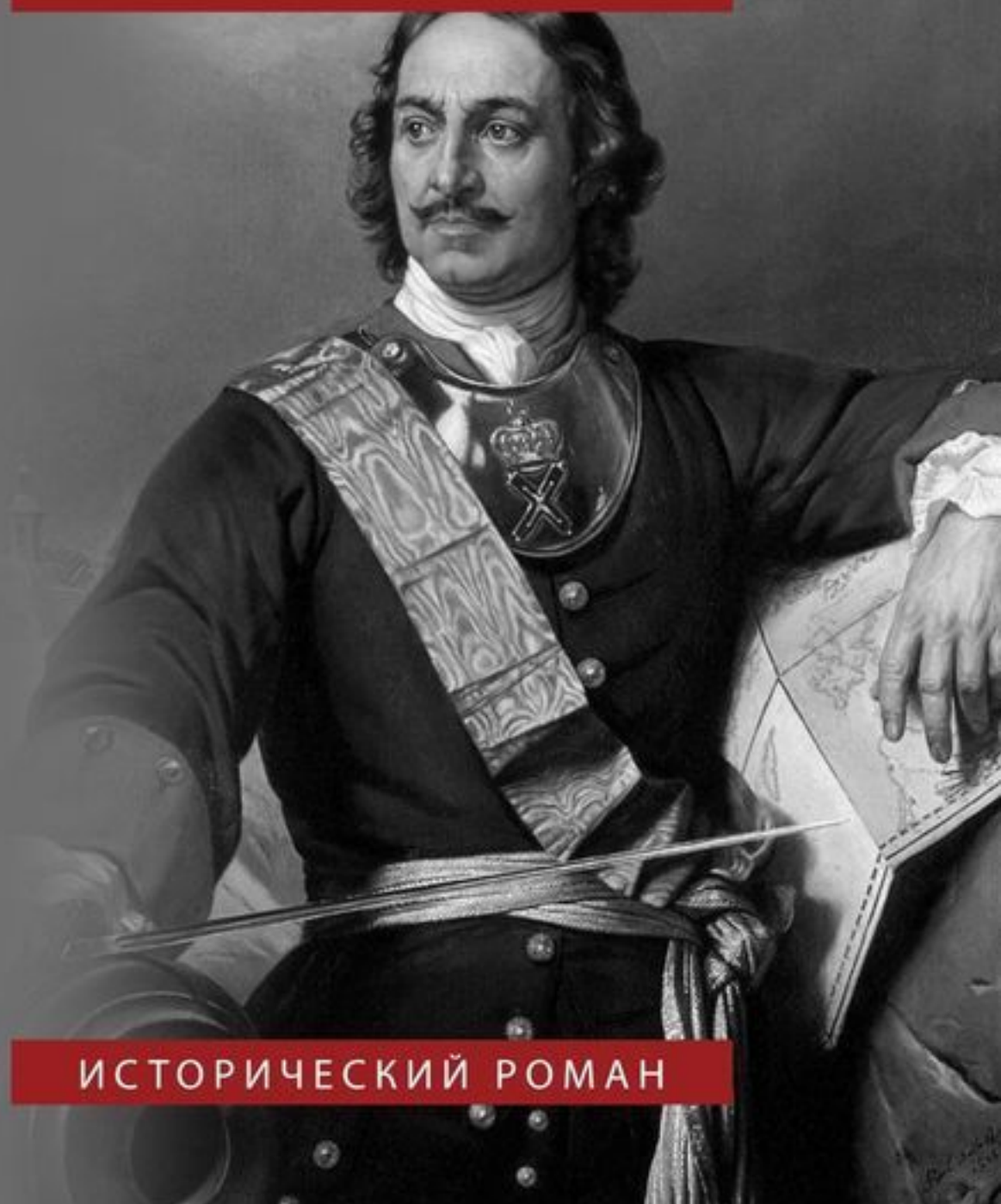

ПЕТР ПЕТРОВИЧ
КОТЕЛЬНИКОВ

МЕЧ ОТ ДАМОКЛА
(ТОМ I)

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Петр Котельников

**Меч от Дамокла.
Исторический роман. Том I**

«Издательские решения»

Котельников П. П.

Меч от Дамокла. Исторический роман. Том I /
П. П. Котельников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749951-8

Смерть императора Петра Великого, как и последовавшие за его кончиной события, носят характер выраженного вмешательства человеческого замысла со стороны. Об этом и повествуется в обеих книгах с этим названием.

ISBN 978-5-44-749951-8

© Котельников П. П.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Пролог	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Меч от Дамокла
Исторический роман. Том I
Петр Петрович Котельников

© Петр Петрович Котельников, 2017

Редактор Олег Петрович Котельников

ISBN 978-5-4474-9951-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

«...Да, ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют...»

А. С. Пушкин «Борис Годунов»

В век тотальной продажности правдивые сказания наши «монахи-летописцы» не переписывают, а злонамеренно искажают! И произошло это тогда, когда работать над историческими фактами стали за пределами монашеских келий, и естественно, не за монастырские щи да кашу...

История у нас переживает блуд,
(Такое с ней бывало прежде).
Коль ложь историкам оплачивает труд,
Пробиться истине нет никакой надежды.

Да что сказать? Экклезиаст был прав.
Все в мире нашем повторимо,
Не изменился человека нрав:
Увидев истину, пройти стремиться мимо.

Истина наскоро проглоченная, не определённая на вкус, запах и цвет, преломляется в сознании каждого по-своему, в зависимости от объема информации. А если эта информация – не целостная, а состоящая из фрагментов, что тогда?

Вырванные из контекста истории фрагменты могут трактоваться по-разному. Истина становится ложью, и наоборот. Преступники становятся значимыми историческими фигурами, а их жертвы умаляются до ничтожества. И вестимо, мертвому не доказать правоту, если изначально преступники всеильными оказались, и единственными, контролирующими информацию!

Преступления, с которыми мне хотелось бы ознакомить читателя, возникли не внезапно и не на голом месте – им предшествовали важные события, происходившие, как в Санкт – Петербурге – столице Российской империи, так и в «землях» Северной Германии.

Пролог

Россия в допетровский период времени была самодостаточной, с особенностями своего уклада жизни, здорово отличающегося от западно-европейского. И не искали правители огромного государства жен себе в Европе, преследуя материальную выгоду – своего бы не потерять. Но, не в пример Киевской Руси времен Ярослава Мудрого, не было внутри семейных связей у русских царей с правящими домами Европы. Не отдавали своих дочерей правители крупных держав в Москву. И Петру Великому не удавалось нарушить это правило, хотя старался, что уж тут говорить... Так уже вышло, что дочь брата своего Ивана Петр отдал замуж за герцога Курляндского, а своих дочерей Анну и Елизавету пристроить не успел. Хотя брачный контракт с Голштинским герцогом при жизни его составлен был,

Но к этому событию мы вернемся несколько позднее. Тем кто подзабыл историю нашу напомним, что у Петра Великого было 14 детей: три от первого брака с Лопухиной и одиннадцать – от второго с Мартой Скавронской. Десять умерли в младенчестве и только о четырех нам сообщает история – два сына и две дочери. Старший сын Алексей Петрович от первого брака с Лопухиной был казнен за измену отцовскому делу, младший Петр Петрович четырех лет от роду умер от воспаления легких. Еще было двое сыновей, но умерли они в раннем младенчестве. Возможно, были дети внебрачные, но на них официальная история никаких сведений не дает. А вот неофициальная нет-нет, да и подбрасывает информацию для размышления...

Не сегодня и не вчера родилась версия о том, что внебрачным сыном Петра Великого был великий русский ученый и поэт – Михаил Ломоносов. Версия кажется на первый взгляд крайне невероятной! Но, а если порассуждать... Разве не странно, что в далеком 1730 из Холмогор в Москву отправился никому не известный великовозрастный крестьянский сын. Прибыл и был принят безо всякой протекции в лучшее учебное заведение? И произошло это во времена, когда российская жизнь была строго регламентирована указами и положениями – без приказа сверху не делалось и малости. А тут вдруг сам глава Синода Феофан Прокопович принял самое деятельное участие в судьбе совершенно неизвестного ему парня из далеких северных Холмогор. Да какое дело было этому знаменитому ученому и философу до малообразованного крестьянского недоросля? Он о его самом существовании и слышать не мог!..

А теперь представим все-таки, что слышал о нем, и слышал из уст самого родителя... Ведь именно Феофан Прокопович, как глава Синода, находился у смертного одра императора Петра Великого. Конечно, тайна исповеди велика есть. Но сохранилось предание, что Петр, умирая, поведал Прокоповичу о некоем отроке Михайле, своем незаконном сыне, и повелел обучить его и приобщить либо к сану священника, либо к государственной службе – на что он окажется способен... И вправду, кому бы мог поручить государь свое незаконное детище, как не самому учнейшему человеку своего времени?

Так что, получается, возможным становится самое невозможное:

Жизнь говорит нам и о том,
Что невозможное – возможно.
Что ладить можно со скотом,
А с человеком ладить сложно.

Он не понятен с давних пор,
Чреваты гибелью поступки.
Он затевает с Богом спор,

Со смертью затевает шутки.

И повсеместно сеет тайны
И этих тайн не перечесть.
И открываются случайно,
Когда на это время есть!

Официально в живых при Государе Петре Алексеевиче оставались две дочери.

Рождены они были Екатериной Алексеевной, когда та была ещё просто любовницей Петра I и называлась Мартой Скавронской, а не Императрицей Российской Екатериной Алексеевной. Законной женой царя Петра она стала только через 3 года после рождения старшей дочери Анны.

Государыня Екатерина Алексеевна малолетних дочерей своих Анну и Елизавету держала в строгости, но позволяла им резвиться среди сверстников низкого звания, многие из которых лифляндцами были, говорящими на шведском языке, оберегая от влияния придворных, строгостью нравов не отмечавшихся. Петр позаботился о том, чтобы дочери его получили приличное образование. Особенно преуспевала в науках старшая любимая дочь Петра Анна. Восьми лет царевна Анна Петровна уже сама писала письма матери. Петр позаботился о том, чтобы дочери и в русском языке преуспевали, и иностранными языками прилично владели. В 1716 году в ноябре месяце прибыла в Санкт-Петербург итальянка графиня Марианна Маниани, занявшая место воспитательницы при царевнах. Ранее при них состояли: француженка виконтесса Латур-Лануа, сопровождавшая Анну Петровну и в Голштинию, и «мастер немецкого языка» Глик. Таким образом, царевны изучали французский, немецкий и итальянский языки, на которых потом свободно говорили. В раннем детстве, окруженные уроженками Ингрии, знавшими шведский язык, девочки исподволь научились говорить и по-шведски. В кабинете Петра Великого хранятся несколько поздравительных писем царевны Анны к отцу, писанных на немецком языке. Кроме языков, царевны обучались танцмейстером Стефаном Рамбургом различным танцам, которые исполняли превосходно

Время принцесс к замужеству шло...

В те времена династические браки заключались в раннем возрасте, поскольку в них над физиологическими преобладали политические интересы. Поэтому, как только старшей дочери Петра Анне исполнилось 13 лет, в Санкт-Петербург зачастили посланники и женихи из тех карликовых немецких государств, которые хотели бы свои государственные интересы решить с помощью России, ставшей реальной силой, с которой следовало считаться всей Европе.

Когда дочери достигли девического возраста, они получили отдельное помещение, отдельный стол и особую прислугу. Теперь они не в тени находились, а звездами сияли при дворе императорском.

Одним из соискателей руки Анны был племянник шведского короля Карла XII, герцог Карл-Фридрих Голштейн-Готторпский. До него в Северной столице России побывал камер-юнкер голштинского Двора Берхгольц. В день коронации Петра Великого ему удалось видеть все царское семейство на празднике в Летнем саду прогуливавшееся. «Взоры наши, – напишет Берхгольц позднее, – тотчас обратились на старшую принцессу, брюнетку и прекрасную как ангел. Цвет лица, руки и стан у нее чудно хороши. Она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростом». Впоследствии, в 1724 году, перед обручением цесаревны Анны с герцогом, он же Берхгольц замечал в своем дневнике: «Вообще можно сказать, что нельзя написать лица более прелестного и найти сложение более совершенное, чем у этой принцессы. Ко всему этому присоединяются еще врожденная приветливость и обходительность, которыми она обладает в высшей степени».

И воистину такой похвалы старшая дочь царя Петра была достойна.

Торжественный въезд самого герцога голштинского в Петербург состоялся 27-го июня 1721 г. В свите его находился тайный советник граф Бассевич, бывший уже раньше в России, в качестве посланника от голштинского Двора. Он тоже оставил в своих записках замечания, касающиеся цесаревны Анны. Они воистину восторженны:

«Анна Петровна походила лицом и характером на своего августейшего родителя, но природа и воспитание все смягчило в ней. Рост ее, более пяти футов, не казался слишком высоким при необыкновенно развитых формах и при пропорциональности во всех частях тела, доходившей до совершенства. Ничто не могло быть величественнее ее осанки и физиономии, ничто правильнее очертаний ее лица, и при этом взгляд и улыбка ее были грациозны и нежны. Она имела черные волосы и брови, цвет лица ослепительной белизны и румянец свежий и нежный, какого никогда не может достигнуть никакая искусственность; глаза ее неопределенного цвета и отличались необыкновенным блеском. Одним словом, самая строгая взыскательность ни в чем не могла бы открыть в ней какого либо недостатка. Ко всему этому присоединялись пронизательный ум, неподдельная простота и добродушие, щедрость, снисходительность, отличное образование и превосходное знание языков отечественного, французского, немецкого, итальянского и шведского. С детства отличалась она неустрашимостью, предвещавшею в ней героиню, и находчивостью». Кстати, жених – герцог голштинский не отличался ни умом, ни красотой. Он был не высок ростом и не имел особенной привлекательности в чертах лица своего. Равнодушный к умственным интересам, ничего не читавший, беззаботный и склонный к мелочному формализму, Карл Фридрих любил проводить время в тост-коллегии, попросту говоря «убивал» время!. Решение многих политических вопросов требует внимательного изучения тех лиц, на которых эти решения замыкаются. Поэтому, чтобы поближе познакомиться с женихом, претендующим на шведский престол, российские государь и государыня отправились в Ригу и провели там всю весну. Первое свидание Царя с будущим зятем произошло 20-го марта. 1722 года Петр Великий нашел герцога пригодным для своих политических видов и пригласил его приехать в Ревель, а затем и в Петербург. Однако сватовство Карла-Фридриха затянулось. Недовольному герцогу пришлось в досаде великой долгое время пребывать, уменьшая тяжесть ее за стаканом вина, к которому он заметно пристрастился. Виной тому были события, происходившие в Стокгольме. Голштинский герцог, являлся наследником шведского престола, если у правящего короля Карла XII прямых наследников не появится. Король противился этому положению, поскольку понимал возможности российского престола влиять на судьбы голштинского княжества. Швеция находилась с Россией в состоянии войны. У Карла XII после сокрушительного поражения под Полтавой не было сил вести наступательные действия вне территории Швеции. Россия пока ограничивалась редкими, но непредсказуемыми нападениями со стороны моря на побережье Швеции, разоряя селения и держа Карла в постоянном напряжении. В 1718 году скончался бездетный Карл XII, шведский престол должен был достаться сыну старшей сестры короля, герцогу голштинскому, но он был отвергнут шведами и корону, с ограничением власти, шведские государственные чины предложили Ульрике-Элеоноре, младшей сестре Карла XII. Петр Великий полагал, что, имея в своих руках законного наследника шведского престола, он скорее добьется выгодного для России мира. Поэтому Петр I дал повеление Брюсу и Остерману заключить мир со Швецией только при условии, что шведы признают Карла-Фридриха наследником королевского престола и обещают восстановить его, при помощи России, во владении герцогством Шлезвиг. Шведы не хотели и слышать об этом. Пришлось участить и усилить военными нападения на берега Швеции. Посол Голштинии граф Бассевич и посол России Бестужев вели долгую, кропотливую работу, употребляя, где изворотливый ум, где денежные средства для подкупа влиятельных лиц шведского сейма, чтобы утвердить Голштинского герцога в правах на шведскую корону. Наконец замысел Петра осуществился. В начале 1723 г. сейм постановил дать голштинскому герцогу титул королевского высочества и уплачивать ему ежегодно субсидию в 25000 талеров. Тот же

сейм, на котором, не без влияния Бассевича, голштинская и патриотическая партии значительно перевешивали партию королевскую, уполномочил сенат заключить договор с Россией, в котором, между прочим, Швеция и Россия обязывались энергично помогать возвращению герцогу Шлезвига. Такой договор вступил в силу 22 февраля 1724 года. Только после заключения этого договора, улучшившего положение герцога, Петр дал свое согласие на брак его со старшей своей дочерью Анной.

22-го ноября 1724 года, после продолжительных совещаний Остермана с Карлом-Фридрихом и голштинскими тайными советниками Штамке и Бассевичем, обоюдные брачные условия были окончательно сформулированы, и в день именин Императрицы Екатерины Алексеевны, 24-го ноября, подписаны при торжественном обручении герцога с цесаревной Анной. Контракт состоял из двадцати одной статьи, которыми обеспечивалось будущее хозяйство цесаревны и ее детей, назначался для нее штат, определялось приданое (300000 руб. единовременно, кроме драгоценных вещей и уборов) и права потомства будущей герцогини и пр. В силу контракта, цесаревна Анна сохраняла веру своих предков и должна была воспитывать в ее правилах дочерей; сыновья должны были исповедовать лютеранство. По обоюдному соглашению Императора и герцога, к тогда же опубликованному контракту были присоединены три «секретных артикула», в которых Петр Великий предоставлял себе «власть и мочь», по своему усмотрению, «призвать к сукцессии короны и империи всероссийской одного из урожденных из сего супружества принцев», и в таком случае герцог обязывался немедленно исполнить волю Императора, «без всяких кондиций». В случае кончины царствовавшего тогда короля шведского, Петр обещал помогать герцогу всеми способами к достижению престола шведского. На основании этих двух статей, сын Карла-Фридриха был призван уже во времена царствования Императрицы Елизаветы к наследованию всероссийским престолом и почти одновременно приглашен государственными чинами шведскими для занятия шведского престола, В третьем из «секретных артикулов» Петр предлагал герцогу свои «добрые оффиции» для возвращения законного владения его предков, герцогства Шлезвиг, которым уже много лет незаконно владел датский король. После обручения, Император, по словам Бассевича, часто беседовал с цесаревной и герцогом о делах правительственных и старался посвятить их в свои планы и намерения. Вскоре предполагалось совершить и бракосочетание, но произошло замедление, вследствие приготовления приданого (из Франции ожидали привоза бриллиантовых вещей для свадебного подарка).

Планам Петра не суждено было осуществиться...

Эх, судьба, ты судьба, нам неведомая,
Постоянно ты с нами играешь:
То захочешь – одаришь победами...
Глянешь косо – и честь потеряешь

То под видом несчастного случая:
Смерть, болезнь, наводнение, пожар!..
И момент выбираешь не лучший,
Да и скрыто наносишь удар.

Одаренный Богом необыкновенно крепким здоровьем, Петр никогда не обращал внимания на случайные временные недомогания, продолжая и во времена их выполнять двойные и тройные нагрузки, не рассчитанные на обычного нормального человека. В мае 1721 года близкие к нему лица, стали замечать, что Государь временами стал задыхаться. Полагали, что у него внутри груди какой-то нарыв образовался, мешающий дышать. Когда царь в Риге изволил пребывать, он в агонии в течение семнадцати часов находился. И опять, поправившись,

не думал беречься. Обратили лишь внимание на то, что он говел более усердно, чем обыкновенно, с коленапреклонениями и частым целованием земли». В 1722 году во время Персидского похода появились первые признаки задержки мочи. Зимой следующего года задержка мочи приняла тяжелую форму. Но царь отказывался от лечения.

Всё дела государственные мешали... И не только государственные, но и семейные тоже... Царю за пятьдесят перевалило, и он стал понимать, что пора любовных утех с молоденькими девушками отошла. С годами и темперамент изменился – пора мудрости наступила. С годами привязанность к жене как снежный ком нарастала. Только она знала, как снять напряженность от душевной усталости его... И представить трудно, какая тяжесть душу царя сковала, когда он узнал об измене той, которой более всего доверял! И с кем изменяла ему на сей раз Екатерина Алексеевна, которую он из лифляндской прачки Императрицей Российской сделал? Которой Государство Российское завещал?.. С Виллимом Монсом, родным братом Анны Монс, бывшей когда-то первой его юношеской любовью, любовью, возникшей при посещении им Немецкой слободы.

Был любовник молод и красив. Это о нем сказал как-то посланник Дании в России Вестфаллен: «Монс принадлежал к самым красивым и изящным людям, когда-либо виденных мною»

Кто кого соблазнял и кто кому уступил? Драма очень схожа с библейским мифом о прекрасном Иосифе и его соблазнительнице жены Потифара. Вот только удержаться от соблазна, как это сделал когда-то Иосиф, Монс не мог. Да и страсть к золоту и серебру не малым подспорьем в падении Монса была.

И как в мифе о Потифаре и Иосифе, царь Петр приближает Виллима к жене своей, из своих адъютантов переводит молодого красавца в окружение императрицы делая его камер-юнкером Её Императорского Величества. А далее Виллим Монс благодаря своему обаянию и деловитости, делает быструю карьеру: его назначают управлять имениями царицы, он становится камергером двора и, наконец, любовником жены императора

Наверное многие при дворе знали, что происходит на дворцовой половине императрицы, но не Государь...

В руки Андрея Ивановича Ушакова, начальника тайной розыскной канцелярии попало «подмётное» письмо, указывающего на многочисленные служебные нарушения и взятки, осуществляемые Виллимом Монсом. В числе дающих молодому человеку взятки оказались первые сановники империи: Меншиков, Ягужинский, Головкин... Все они называли в письмах своих Монса: «благодетелем», «патроном», «любезным другом и братом». Андрей Ушаков, обладавший огромными правами сыска и ареста, произвёл обыск в апартаментах Монса. В руках начальника тайной розыскной канцелярии попала огромная масса бумаг: пошленькие стишки, любовные записочки от многих придворных дам, письма вельмож с просьбами, исполненными подобострастия и унижения... Но, когда Ушаков увидел среди бумаг те, которые бросали тень на монархиню, он прямо обратился к самому Государю. Когда Петру осенью 1724 года принесли донос на злоупотребления и взятки Монса по службе, он еще ничего не подозревал. Но, когда он стал с ними знакомиться, глаза его кровью налились, а руки захрустели в кулаки сжимаясь Те, кого он товарищами своими звал, Монсу бесчисленные дорогие подарки делали, давали подношения деньгами, вещами, даже деревнями! Нетрудно было понять, в чем секрет столь могущественного влияния камергера императрицы-наследницы российского престола.

Государь умел сдерживать порывы души страстной, если дела требовали спокойствия и размышления. Времена, когда он следовал порывам души, уже прошли.

Письма, записки, обрывки бумаг... А под ними подписи и подписи: Долгорукие, Голицыны, Черкасские, Гагарины, граф Головкин, баронесса Шафирова, Артемий Волынский и многие другие..

...И самые запутанные, самые «неправедные» дела быстро решались...

Даже всесильный Александр Данилович Меншиков не раз обращался к Монсу, дарил ему породистых лошадей, кареты...

Петр устал от безудержного воровства своего некогда любимого Данилыча. И опять он попался на поставках сукна для армии. Вспомнил государь, как недавно Катя просила за Меншикова. И вспомнил он, что сказал тогда жене своей: «Если, Катенька, он не исправится, то быть ему без головы. Я для тебя на первый раз прощаю».

Схема была отработана и проста: просители обращались к Виллиму Монсу, зная, что любовница не откажет ему. А просьбам императрицы противостоять Петр не мог, всегда удовлетворяя их – ибо любил ее. А она хорошо об этом знала!

Птенцы гнезда царя Петра,
По миру полетав, устали...
Гулянья с вечера до самого утра —
Не соколами, а воронами стали...

А то и вовсе, словно индюки,
От почестей и званий ошалели
Расходы стали слишком велики —
Чист каждый на словах,
а вор – на самом деле.

Кого-то подсидеть... украсть
(Орла бы совесть стала мучить)
А ворон, захвативший власть,
Удобный выжидает случай.

И понимал Государь, что юности противостоять трудно... весь он в делах и заботах, постоянно в разъездах, к тому же стал часто и тяжело болеть. Ему, Петру, 54 года, а Монсу нет еще и тридцати. Да и Катенька только на четыре года старше Виллима. Очень красив Монс, воспитан, умеет развлечь скучающую государыню. Умом все понимал Петр, а вот сердце разрывалось от обиды. Но сдерживал себя. Закончив разборку «документов», царь решил, что наступила пора и с Монсом поговорить. 8 ноября 1724 года Пётр ужинал у Екатерины. Монс в тот день был в ударе и, по словам саксонского посла Лефорта, «долго имел честь разговаривать с императором, не подозревая и тени какой-нибудь немилости». Не заметила ничего неприятного и Матрена Балк, сестра Монса, писавшая от имени императрицы любовные послания Виллиму, поскольку императрица писать сама не умела, а только диктовала. Царь шутил, позволяя шуту Балакиреву, замешанному в деле Монса, шутки отпускать, как это он всегда делал преуморительно. Шуты дураками не бывают, а Балакирев давно в сане придворного шута находится и знал хорошо, что ему дозволено, а чего – нет!

Вечер прошел превосходно. Государь со всеми приветливо прощался. Монс возвращался к себе весьма довольный проведенным вечером.

Вернувшись домой после застолья у её величества, Монс уже готовился ко сну, когда к нему без стука вошёл начальник Тайной канцелярии Андрей Ушаков и предъявил ордер на арест. У Монса отобрали шпагу, опечатали все бумаги и отвезли в дом Ушакова, которого даже в официальных бумагах именовали «инквизитором».

На следующий день, в понедельник, 9 ноября, в кабинете императора уже лежали бумаги Монса, а потом привели и его самого к следователю. Монс увидев следователя, обомлел... Им был сам Петр. Несчастный любовник не выдержал ужасного, полного жажды мести и, вместе с тем, презрительного взгляда царя и упал в обморок.

А ведь статный красавец, участник Полтавского сражения, генерал-адъютант царя, не был человеком робкого десятка. Вероятно, он прочел в глазах Петра свой смертный приговор.

Весть об аресте бывшего фаворита мгновенно разнеслась по Петербургу, но говорили об этом только шёпотом. Денщики и фрейлины – и те были перепуганы. Царица заперлась во внутренних покоях дворца. Царь продолжал разбирать бумаги Монса. Вероятно, в тот день он и уничтожил своё завещание о передаче престола в случае своей смерти Екатерине. Потом подумал, что его дочери до сих пор не пристроены. Тут же последовал приказ Андрею Остерману ехать к герцогу Голштинскому и сообщить ему, что царь согласен выдать за него свою дочь и даже назначил день обручения. Правда, которая из дочерей предназначалась герцогу, он тогда не уточнил...

А что же с Государыней?..

Екатерине и на этот раз удалось обуздать бешеный нрав мужа. Но, конечно же, в их отношениях появилась глубокая трещина. Пётр даже собирался судить жену за супружескую измену, однако князь А. И. Репнин и некоторые другие вельможи уговорили его этого не делать. Судьба царской династии в этом случае могла оказаться под угрозой...

Суд, как и ожидалось, обвинил Монса только во взяточничестве и, следуя царской воле, приговорил к смертной казни. Матрёну Балк велено было бить кнутом и сослать в Тобольск. Столетова, верного слугу Монса – также бить кнутом и отправить на каторгу на десять лет. Балакирева – бить батогами; каторги ему определили три года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.